

ЗАБЫТАЯ ГЛАВА ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ АВДОТЫ ПАНАЕВОЙ

Публикация С. Шестерикова

Предисловия и примечания С. Рейсера

Хорошо известные читателю «Воспоминания» Авдотьи Панаевой по праву занимают видное место в мемуарной литературе о Некрасове.

Впервые напечатанные в «Историческом Вестнике» в 1889 г. и вышедшие в 1890 г. отдельным изданием, эти воспоминания вызвали в свое время немалый шум и полемику в литературе.

Некоторые критики склонны были вовсе отрицать достоверность «Воспоминаний»; другие, наоборот, неумеренно их превозносили.

Нужна была серьезная и кропотливая работа для того, чтобы проверить сообщаемые А. Панаевой сведения и факты, установить правильные даты, расшифровать неназванные имена и т. д., и т. п.

Эта работа была произведена К. И. Чуковским: переизданные под его редакцией в 1927 г. «Воспоминания» Панаевой до 1933 г. выдержали четыре издания. Отредактированный и выверенный текст и тщательно составленные примечания сделали эту книгу необходимым и важным документом в работе историка литературы, а широкий читатель оценил живой и непосредственный язык и яркость этих, читаемых как увлекательный роман, воспоминаний.

Оказывается, однако, что напечатанный в «Историческом Вестнике» текст представляет собою не все, написанное Панаевой.

В нескольких номерах петербургской газеты «Русская Жизнь» за 1891 г. (№ 108, 24 апреля; № 140, 26 мая; № 149, 4 июня; № 165, 21 июня) покойным С. П. Шестериковым было обнаружено еще несколько отрывков под заглавием: «Воспоминания о домашней жизни Некрасова». Несмотря на несомненный историко-бытовой интерес многих страниц этих «Воспоминаний» (например, о настроениях в редакции «Современника» в связи с делом Петрашевского, о завербованных III Отделением слугах Некрасова, о планах издания газеты в эпоху Крымской кампании и т. д.), они прошли мимо всех исследователей жизни Некрасова и издателей его текстов и оказались за бортом литературы о Некрасове, хотя и были в свое время глухо (с неверным годом, без указания номеров и с неточным заглавием) упомянуты в «Обзоре жизни и трудов русских писателей и писательниц» Д. Д. Языкова (вып. XIII, СПб., 1916, 73).

О происхождении этих «Воспоминаний» могут быть высказаны лишь некоторые догадки: возможно, что публикуемые главы были устранены из первого издания записок (в «Историческом Вестнике» 1889) С. Н. Шубинским, как известно, жестоко «проредактировавшим» первопечатный текст. История печатания записок Панаевой (и в «Историческом Вестнике» и отдельным изданием) до сих пор не изучена. Кое-какой материал есть в переписке А. Я. Панаевой с Чернышевским («Литературное наследие», III, 595—596).

В архиве «Исторического Вестника» в Публичной библиотеке в Ленинграде (1887, «А—П», лл. 165 и 167) находятся два неизданные письма Авдотьи Панаевой к С. Н. Шубинскому следующего содержания:

«Многоуважаемый Сергей Николаевич, Вам, вероятно, не было времени прочесть моей рукописи, что я до сих пор не получила от Вас ответа! Я бы не стала Вас беспокоить, если бы меня не вынуждали мои обстоятельства.

Ради бога, пришлите мне скорей Ваше решение. Готовая к услугам А. Головачева. 2 ноября».

Вторая записка гласит:

«Я писала к Суворину, но ответа не получила. Я просила его отсрочить мне на месяц 200 рублей, которые он мне выдал, что я их заработаю, и чтоб он разрешил мне выдать деньги за те листы, которые я сдала Вам. Если Вы можете, то замолвите слово — я сижу без денег.

Извините, что беспокою Вас. Уважающая Вас А. Головачева».

Любопытные данные содержатся также и в неизданном дневнике С. И. Смирновой-Сазоновой, в записи от 1 декабря 1893 г. (ИЛИ, лл. 113—114):

«Когда Григорович узнал, что в «Историческом» Вестнике будут печататься воспоминания Панаевой, то перепугался, что там заденут его. Полетел к Суворину говорить о том, что нельзя в порядочном журнале печатать такие вещи. Тот говорит: не мое дело; я в это не вмешиваюсь. Это ведет Шубинский, и человек, мол, он упрямый, не послушает. Тогда Григорович не поленился подняться на пятый этаж к Шубинскому, чтобы сказать ему: мой добрый друг, Вы знаете, как я Вас люблю! я пришел по дружбе предупредить Вас... И опять о Панаевой. Шубинский говорит: очень жаль, что я не знал этого раньше, но я уже ее воспоминания купил и тысячу рублей за них отдал. Но, впрочем, успокоил доброго друга, что если будет что-нибудь о нем, то он это выкинет. Григорович бросился обнимать его».

Впрочем, ссылка А. Я. Панаевой на «прежние свои воспоминания» (см. ниже, стр. 561) позволяет рассматривать публикуемый текст и как позднейший, дополнительный очерк, развивающий некоторые главы основного текста.

Возможно, наконец, что «Воспоминания» были написаны одновременно с остальной частью мемуаров, но не были отданы Суворину, в расчете на отдельное дополненное издание. Коммерчески, отдельное издание с новыми, не изданными ранее главами сулило некоторые материальные выгоды, что для остро нуждавшейся в эти годы Панаевой имело существенное значение.

28 марта 1889 г. А. Я. Панаева писала Н. Г. Чернышевскому: «Редакция много выкидывала из них <«Воспоминаний»> по разным своим личным соображениям: в отдельном издании можно будет напечатать эти места» («Литературное наследие», III, 595). О том же писал отцу и М. Н. Чернышевский в письме от 12 марта: «...листа полтора или два последних из этих воспоминаний у ней остались недодавшими Суворину в надежде на отдельное издание» (там же, 610, ср. также 607—608). Повидимому, отчаявшись видеть «Воспоминания» отдельной книгой, Панаева предложила неотданные в свое время Суворину главы газете «Русская Жизнь».

Подготовленный С. П. Шестериковым текст был использован К. И. Чуковским в его примечаниях к 6-му изданию однотомника Некрасова (Л., 1931, 513), в которых процитированы (со ссылкой на неосуществившееся издание) строки, относящиеся к истории «Власа».

ВОСПОМИНАНИЯ О ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ Н. А. НЕКРАСОВА

В продолжение почти двадцати лет у Некрасова всегда служили два лакея, и оба были очень типичные субъекты.

Как начался издаваться «Современник», к Некрасову нанялся лакей Петр. Не помню, кто ему рекомендовал его, как честного и не пьющего человека. Наружность Петра была очень невзрачная: маленького роста, несоразмерно широкие плечи, ноги кривые, как всегда бывает у тех, кто

в детстве страдал английской болезнью. Лицо у него было длинное, с неправильными крупными чертами; лоб низкий, с двумя толстыми морщинами, которые двигались вниз и вверх. Трудно было определить, какого цвета были его глаза, полуприкрытые нависшими бровями, да к тому же он постоянно моргал веками. Голова у него была остроконечная, покрытая торчащими вихрами темных волос. Костюм Петра дополнял его уродливость: его отрепанный сюртук был ему не по росту, а полы так длинные, что этот сюртук скорее походил на распахнутой халат; панталоны, тоже очень старые, всегда были подвернуты внизу и обнаруживали еще более его огромные сапожищи. Жилистая шея его повязана была красным, с черным рисунком, бумажным платком. В одном из его больших ушей была продета сережка. Брился Петр не часто, и потому его подбородок и часть над верхней губой были покрыты как бы щетиной. Петр уверял, что ему всего только сорок лет, когда Некрасов усомнился, по силам ли ему будет, в его преклонные лета, служить у него, потому что придется много ходить с разными поручениями. Петр говорил на «о», растягивал слова и постоянно вставлял среди разговора «вот». Вероятно в доказательство своей бодрости, он был суетлив, и оттого его неуклюжесть выдавалась еще рельефнее. Панаев пришел в ужас, увидев Петра, и заметил Некрасову:

— Где ты отыскал себе такого лакея? Подобных лакеев можно найти только в каком-нибудь захолустье, в уездном городке в гостинице.

— Мне его рекомендовали за честного и не пьющего человека. Для меня важнее всего, чтобы я мог доверять ему бумаги, с которыми мне надо рассылать его.

— Помилуй, да ведь противно смотреть на такое чудище, да еще в таком безобразном и обтрепанном кафтане?

— Приоденется! — флегматически отвечал Некрасов.

Панаев не мог переносить неопрятно одетой прислуги в доме.

Некрасов отдал своему лакею полный костюм из своего платья, но Петр продолжал ходить в своем отрепанном сюртуке-капоте.

— Что же ты не носишь то платье, которое я тебе дал? — спросил его Некрасов.

— А вот доношу, Николай Алексеевич, свой сюртук, — отвечал Петр.

Некрасов по уходе Петра из комнаты заметил мне и двоюродным братьям Панаевым, сидевшим в его кабинете.

— Что делать, придется Панаеву потерпеть, пока Петр доносит свой сюртук.

Вначале Петр перепутывал поручения Некрасова, разнося бумаги в типографию — к цензору, и при этом упорно утверждал, что он разнес бумаги так, как ему было приказано. В это время он быстро моргал веками, и морщины на его лбу приходили в движение — он имел вид идиота.

Всем лакеям присуще благоговение к гостям-генералам или титулованным лицам, но в Петре это чувство доходило до высшей степени. Он вбегал в кабинет Некрасова и задышающимся голосом произносил: «Генерал-с приехал!». И тут только можно было видеть, какого цвета глаза его, потому что они были вытаращены.

Некрасов не мог добиться от Петра, чтобы он никого не принимал, когда бывала спешная работа по журналу. Петр всем отказывал посетителям, но генерала впускал и на выговоры Некрасова бормотал: «ведь генерал-с вот!»

Панаев всегда приходил в отчаяние, когда Петр врывался в его кабинет с докладом, что к нему приехал граф или князь.

После визита гостя Панаев приходил ко мне и говорил таким тоном, точно бог знает какое случилось несчастье:

— Что же этого Ивана никогда нет в передней, и Некрасова чудище-лакей врывается ко мне с докладом, кто ко мне приехал? Прикажи, чтобы Иван сидел в передней, а не то пусть убирается вон.

Лакей Панаева был совершенный контраст лакею Некрасова: высокий, стройный, красивый восемнадцатилетний юноша; страшный франт, всегда безукоризненно одетый, он гордо держал свою голову, распомаженную и завиту. Один из аристократических гостей Панаева прозвал Ивана бароном, находя, что у Ивана такой гордый вид и такие манеры, что он не похож на лакея. С тех пор и другие гости стали звать его бароном, и это прозвище льстило ему. Он очень занимался своей красивой наружностью и иначе не чистил самовара и замки, как в старых перчатках Панаева, чтобы не испортить своих рук. Он был круглый сирота и поступил к нам лет четырнадцати. Мы его одевали, но когда он подрос, то его туалет уж очень дорого стоил. Он приходил ко мне с требованием то того, то другого, доказывая, что неприлично комнатному лакею кое-как быть одетым¹.

У Некрасова в кабинете всегда был беспорядок: на окнах лежали книги, рукописи, журналы, газеты, корректурные листы. А на его письменном столе был какой-то хаос. Но Некрасов в этом хаосе находил всегда, что ему было нужно, и приходил в отчаяние, когда Петр приводил в порядок его письменный стол. Он призывал Петра и, горячася, говорил ему:

— Опять ты трогал мои бумаги на столе. Куда девался счет у меня из типографии?

— Я только вот пыль стер, — отвечал Петр, моргая глазами.

— Не смей и пыли стирать!

— Как же-с вот?

— Я вот целый час ищу счета после твоей уборки, — продолжая рыться на столе в бумагах, ворчал Некрасов.

— Ну вот и пусть будет пыль! — обиженно бормотал Петр, уходя.

Письменный стол был большой у Некрасова, но ему приходилось писать на маленьком пространстве, потому что этот стол был завален книгами, статьями, корректурными листами.

Первый год Некрасов сам писал рецензии о новых книгах в «Современнике»² и откладывал эту работу до последнего дня. Он садился только часов в 12 за работу и часто напролет всю ночь писал. Затем, рано утром, он будил Петра и отсылал свою работу в типографию.

Днем Некрасову мешали писать; постоянно приходили посетители по делам журнала и без всякого дела литераторы. Ему надо было часто ездить к цензорам в комитет, в типографию, читать корректуры, все рукописи, которые присылались из провинции, и те, которые лично приносили сами авторы. Дел было много для одного человека.

Тупость Петра часто выводила из терпения Некрасова: упадет ли книга со стола или корректурные листы, когда он ночью работает, — всё это исчезнет.

Петр оправдывается тем, что это на полу валялось, он и вымел.

— Поди, принеси назад все.

— Да я вот в печь все поклат, как вот топил ее, — объяснял Петр.

Некрасов махал рукой Петру, чтобы он скорее уходил из кабинета.

— Что за охота тебе, Некрасов, держать такого идиота лакея? — говорил Боткин. — Прогони ты его.

— Кто такого идиота будет держать? С голоду помрет. Да в нем есть и хорошие стороны: честен, не пьяница и от скудоумия безопасен, мало ли что срывается с языка в разговорах между нами. Да и не люблю я новое лицо около себя.

Но хорошие стороны в Петре стали умалаться, когда он обжился. За чем бы его ни послали, он всегда дороже заплатит, чем стоит покупка,

даже в аптеке — он уверял, что взяли с него дороже, чем следовало. Если Некрасов или кто из гостей посылал Петра отдать извозчику деньги, то он всегда норовил удержать себе хоть пять копеек. Происходили сцены. Извозчик врывался в переднюю и шумел. Некрасов бранил Петра, почему он не отдавал всех денег. Петр же разыгрывал роль оберегателя Некрасова денег³.

А. Я. ПАНАЕВА

Акварель неизвестного художника, 1850-е гг.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

Между франтом Иваном и Петром с первых же дней установились враждебные отношения. Иван с презрением относился к такому неуклюжему своему собрату и поднимал его на смех в кухне, называя Петра свинопасом, а не комнатным лакеем. Петр также получил прозвище по следующему случаю.

Раз вечером Некрасов читал в корректурных листах описание какого-то иностранного моряка-капитана и как весь экипаж его отбивался от чу-

довидных спрутов, которые лезли на корабль со всех сторон. При чтении присутствовали наши постоянные, общие гости — всё молодежь, но не из литераторов.

— Из типографии вот пришли! — каким-то гробовым голосом произнес вдруг Петр. Приближения шагов его не было слышно: по вечерам, для отдыха своих ног, он надевал валенки.

В эту минуту он казался особенно уродливым: его лицо было заспанное, вихры на голове еще сильнее торчали.

Когда Петр удалялся с корректурой, я заметила, что он меня перепугал своим появлением — мне представилось, что это не он, а спрут вполз в комнату. Молодежь подхватила мои слова и стала звать Петра «спрутом», но только между своими. Некрасов же однажды по забывчивости хотел позвать Петра и крикнул «Спрут!». И к нашему общему удивлению Петр явился на этот зов.

Между нашими постоянными посетителями из молодежи был один шутник и фокусник; он постоянно проделывал разные штуки с Петром, который благоговел к шутнику, вероятно, за то, что тот часто давал на чай.

Этот-то шутник и стал его звать не иначе, как «спрутом». Петр выказывал даже удовольствие, что ему дали какое-то мудреное прозвище, конечно, значение которого он не знал. А затем и другие стали тоже звать его «спрутом».

Шутник, зная, какое производит сильное впечатление на Петра генерал, приехав раз к нам, попросил Спрута принести ему стакан воды и в это время прицепил себе на сюртук генеральскую звезду. Петр, подойдя ближе к нему и увидав звезду, попятился назад, чуть не выронил из рук подноса и, вытаращив глаза, остолбенел.

— Вот тебе на чай, — кладя полтинник на поднос, сказал молодой человек. — Теперь ты должен меня не иначе называть, как генералом.

Но Петр сообразил, что это молодой человек выкинул с ним новую шутку. Он стал называть молодого человека «генералом», но без всякого благоговения.

Вражда между Спрутом и Бароном отзывалась на мне, как на хозяйке дома. Я думаю, сам Соломон пришел бы в тупик рассудить: кто прав, кто виноват, когда прислуга враждует между собой и является с жалобами друг на друга или сваливает вину один на другого.

Я строго запретила являться ко мне с жалобами обоим, но в хозяйстве, поневоле, приходилось, все-таки, устраивать судьбище, которое всегда оканчивалось ничем. Обоих подсудимых я спешила спроводить поскорее от себя, потому что истины трудно было от них добиться.

Иван не в силах был утерпеть, чтобы не разоблачать своего врага. Он говорил мне, что Петр продает бумаги, бутылки из-под вина.

— Как идет из дому, уже у него узел под шинелью. Ни на минуту не оставляет не запертой дверь в свою комнату.

— Тебе-то какое дело? И опять ты со своими глупостями надоедаешь мне? — замечала я Ивану.

— Помилуйте, Авдотья Яковлевна, у нас в кухне никогда прежде ничего не пропадало, а теперь то мелкие деньги исчезнут, то серьги. Мы только молчали, не хотели вас беспокоить, что такой срам происходит у нас.

— Советую тебе следовать примеру других и молчать о том, что у вас делается в кухне, — отвечала я и опечалила этим Ивана.

Из чайного ящика, стоявшего в столовой, быстро стал убывать чай и сахар, а также стеариновые свечи исчезали из буфетной. Иван страшно возмущался и во всем обвинял Петра.

Раз утром Иван явился ко мне и задышающим голосом произнес: — Авдотья Яковлевна, как вам угодно-с, а вы извольте сейчас сделать обыск у всех нас, — опять пропала чайная ложка.

— Как опять? — спросила я.

— О первой пропавшей ложке я ничего вам не говорил, а уж это что же такое, — мы все желаем обыска, чтобы избавиться от сраму, один Спрут артачится и не хочет показать своего сундука.

К великому огорчению Ивана, я отказалась делать обыск сундуков и комодов прислуги.

Иван со слезами говорил:

— Я попрошу вас позволить мне сдать кому-нибудь другому на руки серебро, а за две пропавшие ложки извольте вычесть из моего жалованья.

Не прошло и часу, как Петр пришел ко мне с ложкой в руках и оскорбленным тоном сказал:

— Вот нашел ложку на столе у Николая Алексеевича, вот под бумагами а вот Иван и все в кухне вором меня обзывали. Мальчишке вот, а такую волю дали. Вы вот призовите его и отдайте вот ему ложку при мне.

Но я не исполнила требования Петра и сделала глаз-на-глаз выговор Ивану, что он понапрасну обвинял Петра в краже ложки.

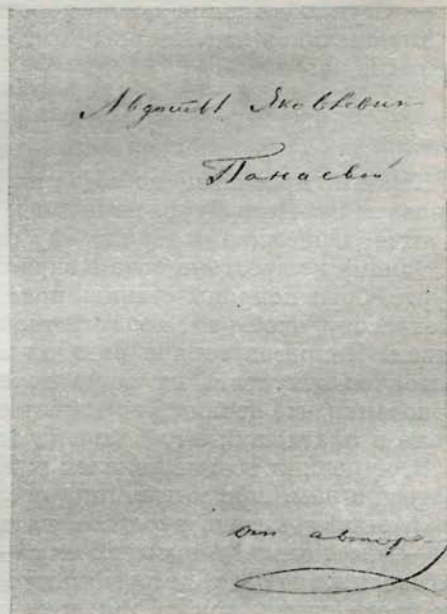
На это Иван с упреком мне отвечал:

— Ах, Авдотья Яковлевна, и вы поверили Спруту? Он испугался, что мы все хотели позвать квартального и просить его сделать обыск у всех у нас. Вот он и принес вам ложку.

Мне пришлось объявить всей прислуге, что какая бы пропажа в доме ни случилась, квартального никто не смел бы звать.

Петр, жалуясь Некрасову на Ивана, как тот обижал его в кухне, даже заплакал и просил защиты.

Некрасов разжалобился и просил меня обуздать Ивана и запретить ему называть вором Петра. Но я объявила Некрасову, что самое лучшее, это не вмешиваться в их распри, потому что тогда покоя не будет от их обоюдных жалоб друг на друга.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ НЕКРАСОВА
А. Я. ПАНАЕВОЙ НА ЭКЗЕМПЛЯРЕ
«СТИХОТВОРЕНИЙ», 1864 г.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

* *

Некрасову приходилось много ездить по делам журнала. Типография была далеко от нашей квартиры ⁴. Он вспомнил, что у его отца стоят в Ярославле дрожки, которыми тот не пользуется, и, послав часть денег отцу за эти дрожки, просил его прислать их ему, а также и лошадь.

С дрожками и с лошастью прибыл дворовый отца Некрасова. Это был еще молодой человек, рябой, с одним глазом, с курчавыми, темными волосами.

Некрасов расспросил его об отце, о дворовых, о крестьянах своей родины, и, дав ему два рубля, сказал:

— Вот, Николай, тебе деньги. Посмотри Петербург, поотдохни, а там я и отправлю тебя домой.

— Николай Алексеевич, вы уж оставьте меня при себе кучером. Старым баринком я отпущен на оброк в Ярославль. Вы думаете, что я не сумею править с одним глазом? да я одним лучше вижу, чем другой двумя. Вы уж, сделайте милость, отпишите старому барину, что сами оброк им будете высылать за меня.

— Ну, подумаю.

— Нет-с уж, Николай Алексеевич, оставьте меня при себе, все во дворе и в деревне так уж и прощались со мной, что я останусь при вас. Мои старики за вас богу будут молиться. Сами знаете, в Ярославле место трудно найти; у всякого, кто держит лошадей, свой дворовый кучер.

— Да как ты едешь-то?

— Господи, в ямщиках жил в Ярославле, на тройке ездил, а с одной лошастью не сумею ездить?

— Ну, а скажи-ка мне по совести, как ты на счет водки.

— Кто же нынче не пьет водки, Николай Алексеевич? — ответил Николай. — Только я пью, как следует. Да уж будете довольны моей службой.

— Ну, хорошо, оставляю тебя, но если ты окажешься неисправным, так держат тебя не стану.

— Останетесь довольны, Николай Алексеевич! — самоуверенно произнес Николай.

— Ступай, отдохни после дороги.

Мы смеялись над Некрасовым, что у него лакей и кучер будут редкостная пара.

* *

Каждый ярославец из соседних деревень имения отца Некрасова, если приезжал в Петербург, являлся к нему, и он с удовольствием беседовал с ними. Приезжие поверяли ему свои радости и горе.

Одному из крестьян отца Некрасова посчастливилось нажиться в Петербурге, беря подряды ставить печи в строящихся домах. Он все ходил к Некрасову, чтобы тот ходатайствовал у отца о его выкупе со всем семейством. Некрасов горячо ратовал в своих письмах к отцу, чтобы он согласился отпустить на волю печника. Но отец не соглашался, на том основании, что печник был единственный из его крестьян, живущий на оброке и плативший ему большие деньги.

Этот печник всегда являлся к Некрасову перед праздником посоветоваться с ним, какого гостинца послать старому барину: дорогих вин или какую-нибудь вещь рублей в пятьдесят.

— Ты ничего не посылай ему, — однажды посоветовал Некрасов, рассерженный на отца, который иначе не соглашался отпустить на волю своего крестьянина, как за большую сумму.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ «ВЛАС»

Рисунок С. А. Коровина, 1878 г.
Русский музей, Ленинград

— Ведь осерчает старый барин, да и вызовет меня в деревню, а у меня сняты подряды на три дома, артель печников большая набрана — разорюсь.

— Слушайся меня. Пиши в деревню, к своим, что болен и хочешь сам вернуться в деревню.

— Для че это? — воскликнул печник потерянно.

— Увидим, что будет, — ответил Некрасов.

Печник, подумав, произнес:

— Известно, ты всякого из нас жалеешь, худого не пожелаешь и мне. Так, значит, не надо посылать старому барину гостинца к празднику и писать в деревню?

Некрасов подтвердил свой совет. Разговор этот происходил при мне. После ухода печника Некрасов сказал:

— Вот и приходится лгать самому и заставлять другого то же делать, чтобы образумить человека, что безбожно требовать такую сумму с крепостного, который и так лет в пятнадцать выплатил за себя оброком большие деньги... Испугается, что ничего не получит.

Некрасов написал стихотворение «Влас» после свидания с одним из бывших крестьян его отца, который был сдан в солдаты, вернулся на родину после продолжительного срока своей службы и, не найдя в живых никого из своего семейства, посвятил остаток своей жизни на собиравшие пожертвований на построение церкви. Его занесло в Петербург, и он пришел к Некрасову повидаться с ним, с сыном своего бывшего помещика. Некрасов долго беседовал со стариком, попивая с ним чай ⁵.

* * *

Кучера Николая экипировал Некрасов с ног до головы, но Николай не имел хорошего вида на козлах; он сидел боком, вожжи держал распутивши, задерживал лошадь, нещадно бил ее кнутом, без всякой нужды.

Его новый кафтан очень быстро превратился в засаленный; он никогда не застегивал его на все пуговицы; кушак надет был криво; шляпа на затылок.

Панаев пожимал плечами, встречая Некрасова едущего. Раз я шла с Панаевым, и мы увидели, как Некрасову чуть не попало дышлом в голову, так хорошо правил Николай.

Панаев говорил Некрасову:

— Ездить с таким кучером, это значит подвергать свою жизнь каждую минуту опасности.

— Привыкнет!— флегматично повторял Некрасов.— Да разве извозчики лучше ездят, чем Николай?

Однажды утром Некрасов вернулся домой сильно прозябший. Ему пришлось не только самому править лошадью, но еще держать в объятиях Николая, успевшего окончательно напиться в те промежутки, когда Некрасов заходил в типографии.

На другой день утром Некрасов отечески усовещивал своего кучера, явившегося к нему с повинной головой.

Николай божился, что без приказания Некрасова в рот капли водки не возьмет.

— Я тебе не запрещаю пить водку, но пей в меру и лучше не закладывая лошадь, если напился.

— Слушаю-с!— отвечал Николай.

Как-то мы сидели за завтраком. Некрасов послал Ивана сказать кучеру, чтобы тот скорее закладывал лошадь, но Иван вернулся с ответом, что кучер не будет закладывать лошади, потому что сам барин приказал ему не закладывать, когда он бывает выпивши.

Все присутствовавшие за завтраком, конечно, рассмеялись, и сам Некрасов, улыбаясь, сказал:

— Однако Николай ловко воспользовался моею оплошностью.

Один только Боткин, гостивший в то время у Панаева, не смеялся, а раздражительным тоном сказал Некрасову:

— Я удивляюсь, как тебе не омерзительно смотреть на своего Николая.

— Я не чувствую омерзения к ним, а жалость, потому что с детства насмотрелся на их жизнь, начиная с их детства и до смерти. И мы с тобою были бы такими же, если бы родились дворовыми.

— Гуманность, любезный мой, есть продукт цивилизации, но развитому человеку омерзителен вид двуногого животного.

— А кто превратил их в двуногих животных, как не цивилизованные люди?— спросил Некрасов.

Панаев хотел что-то сказать, но Боткин остановил его вопросом:

— Зачем же ты отпустил на волю своих дворовых и нанимаешь вольную прислугу?

Панаев не нашелся вдруг ответить.

— А это, любезнейший, доказывает, что в тебе не было закваски помещика. Эстетическое чувство в тебе развилось, а такой человек не может видеть около себя этих дикарей.

— Да ведь у Некрасова нет ни души дворовых,— проговорил Панаев.

— Не стоит, господа, продолжать этого разговора,— вставая из-за стола, сказал Некрасов,— пусть лучше я останусь с закваскою помещика на всю жизнь, да не буду с отвращением относиться к людям только потому, что они родились на барском дворе.

Боткин надулся на Некрасова и прочел целую лекцию о том, как необходимо развивать в себе эстетическое чувство.

— Мне претит русский овчинный тулуп,— говорил он,— мое обоняние не может переносить этого запаха. Я в Германии и во Франции с

удовольствием беседовал с рабочими, видел в них себе подобного человека, а не двуногого животного, у которого в лице нет тени интеллигенции, и одежда-то на нем звериная.

Между тем, Николай более не присылал ответа, будет ли он или не будет закладывать лошадь. С этого времени он всегда исполнял приказание, но выходило хуже. Он вывалил раз в пьяном виде Некрасова из саней в кучу грязи. Некрасов принял меры. Как только он замечал, что Николай выпивши, то на половине дороги пересаживался на извозчика, а ему строго приказывал сейчас же ехать домой, распрячь лошадей и лечь спать.

Но однажды, недалеко отъехав от дому, Некрасов отослал лошадей домой, и когда возвратился к обеду, то встревожился, что Николай с тех пор еще не возвращался.

— Ну, значит, Николай нахлестался до бесчувствия и попал в полицию, — заметил он.

Петр был послан разыскивать Николая, который, действительно, очутился на съезжей; дрожки были изломаны, и у лошади зашиблена нога. Все это донес Петр своим бестолковым слогом; о самом же Николае Некрасов спросил:

— Да целы ли ноги и руки у Николая?

— Вот, целехоньки! — ответил Петр. — Вот, только маленько подбита скула, — квартальный бил его.

— А хмель-то вышиб из него?

— Вот, ни в одном глазу негу, теперь, вот, и плачет.

Некрасов велел Петру вместе с Николаем привести лошадей и дрожки домой...

— Вот, квартальный не выпустит Николая, вишь, двадцать пять рублей подай ему, — твердил Петр.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ «ОГОРОДНИК»

Гравюра с рисунка М. О. Минешина,

«Кругозор» 1876, № 1

С большим трудом добился от него Некрасов, что квартальный требовал с Николая за поломанные дрожки у извозчика, который заявил претензию на Николая в полицию.

— Ах, разбойник! — воскликнул Некрасов. — Лошадь искалечил, дрожки сломал, да еще двадцать пять рублей плати! Пусть же его посадят.

Но на другое утро он послал деньги квартальному.

Дрожки до того были исковерканы, что чинить их не стоило. Ногу лошади надо было долго лечить.

Николай явился с обвязанным лицом к Некрасову, который сурово его спросил:

— Зачем ты пришел, разве я тебя звал?

— Простите, Николай Алексеевич! — слезливым голосом проговорил Николай. — Пожалейте моих стариков. Я уж заслужу вам, только не отсылайте меня к старому барину.

— Дурак ты, — на что мне кучер, когда ни лошади, ни дрожек у меня теперь нет по твоей милости?

— Нogu у лошади я скорехонько залечу, а за починку дрожек вы уж высчитайте из моего жалованья.

— Нет, мне выгоднее и спокойнее держать месячного извозчика, чем свою лошадь.

— Коли я вам не нужен, так я на место пойду, только уж вы не отписывайте старому барину, а то он меня вытребует отсюда.

Николай стал всхлипывать и винить знакомых кучеров, которые его спаивали.

— Теперь, Николай Алексеевич, даю вам крепкий зарок: не токмо пить водку, но даже смотреть на нее не буду.

— И прекрасно сделаешь.

— Так, значит, я буду себе место приискивать, Николай Алексеевич.

— Приискивай.

— Мои старики век за вас будут молить бога.

— Ну, хорошо, хорошо! Сначала залечи себе синяки и никому не показывайся, а потом ищи себе место.

Но Николай более двух недель не уживался на местах и уверял Некрасова, что ему «незадача» и что будто бы его не прогоняли, а он сам уходил с них.

Наконец, однажды он явился просить Некрасова отправить его в деревню.

— Соскучился по своим старикам, Николай Алексеевич. Отец пишет, что мать больна, помрет еще, и я останусь без ее благословения.

— Ну, с богом, отправляйся! — ответил Некрасов и дал ему денег на дорогу.

Перед своим отъездом Николай, прощаясь с Некрасовым, проследил.

Прошло дней пять. Как-то утром, когда я встала, на мой звонок явилась горничная с заплаканными глазами. Я спросила о причине ее слез и уже предвкушала предстоящую мне тяжелую обязанность разыгрывать роль судьи.

— Ах, Авдотья Яковлевна, мы все наплакались в кухне, глядя на бедного Николая, — отвечала горничная.

— Как? разве он не уехал? — воскликнула я.

— Нет. Сегодня, недавно, пришел в кухню и так плачет, так плачет... — говорила горничная, утирая слезы. — Петр с дворником поили его два дня и все деньги у него отобрали, что ему дано было на дорогу. Он не евши сидел два дня в кучерской, — и горничная опять заплакала. — Он хочет вас повидать.

ОБЪЕЗД ВЛАДЕНИЙ

Картина маслом Н. Д. Кузнецова, 1879 г.

Третьяковская галерея, Москва

Я пошла в кухню. Николай упал к моим ногам и, рыдая, молил меня отпустить его в деревню.

Горничная, прачка и кухарка утирали слезы и тоже просили меня сжалиться над жертвой жестокосердого Петра и дворника.

Некрасов также был поражен, узнав, что Николай еще пребывал в Петербурге. Сгоряча, он хотел было исследовать дело, но, конечно, ничего не добился. Петр божился, что он знать не знал о пребывании Николая в кучерской, а дворник доказывал: почему он должен был знать, что кучер рассчитан и ему, выпивающему, давали деньги.

Некрасов вынужден был дать снова денег на дорогу Николаю, отправив его под присмотром знакомого ярославского огородника, ехавшего также на родину по соседству с деревней отца Некрасова.

* *
*

Я уже упоминала в своих воспоминаниях, какие печальные последствия имела история Петрашевского на «Современник». Уныние и тревога царили в редакции. Как издатель «Современника», так и его сотрудники опустили голову. Прежних оживленных споров и разговоров более не слышалось. Гости не собирались на обеды и ужины. Некоторые литераторы забегали в редакцию на короткое время. Все говорили тихим голосом, передавая тревожные известия об участии заключенных молодых литераторов, замешанных в историю Петрашевского ⁶.

По вечерам, для развлечения, Некрасов стал играть в преферанс, по четверть копейки, с двоюродными братьями Панаева, с художником Воробьевым и его братом ⁷.

Некрасов тогда еще в Английский клуб не ездил и даже не помышлял о том, что когда-нибудь сделается членом этого клуба ⁸.

Я заметила, что Петр сделался необыкновенно бодрствующим. Прежде он по вечерам всегда спал, а тут, кто бы ни позвонил у парадной двери, он появлялся в передней.

Иван таинственно сообщил мне, что Петр, как кто придет вечером из гостей, бежит в дворницкую, где постоянно сидит какой-то господин, и что он же подслушивает у двери из темного коридора.

В кабинете Некрасова было две двери: одна — в переднюю, другая — в коридор.

Я стала следить, и точно: спущенная занавеска колыхалась у дверей в коридор, когда играли в преферанс. Тогда я предупредила играющих, чтобы они были осторожнее в разговорах, так как Петр подслушивает у дверей.

Шутник пообещал отучить Петра подслушивать у дверей и на другой же день вечером предупредил играющих, чтобы они не пугались, если Спрут заорет в коридоре.

— Пожалуйста, не выкиньте с ним опасной шутки,—заметил Некрасов молодому человеку.

Вскоре в коридоре раздалось хлопанье хлопушек и дикие крики Петра, который, весь побледнев, стоял прислонясь к стене и дрожащей рукой крестился, когда шутник открыл дверь и осветил свечой коридор.

Петр, вероятно, догадался, что это проделал с ним шутник, и стал сердито поглядывать на молодого человека и перестал его называть «генералом».

Советовали Некрасову прогнать Петра, но он отвечал:

— Я никогда так не был доволен Петром, как теперь. Он по своему тупоумию не в состоянии связно передать какой-нибудь подслушанный им разговор, а тем более присочинить что-нибудь подходящее к тому, что говорилось между нами⁹.

Петр прослужил у Некрасова года три и сам заявил ему, что хочет ехать на покой в деревню, и тут только сознался, что ему не сорок, а пятьдесят пять лет, и ему тяжело ходить с поручениями.

Рассчитавшись с Петром, Некрасов не огорчился, так как на опыте убедился, что честность его ненадежна.

— А Спрут-то поворовывает у меня деньги,—сказал он мне месяца за два до отъезда Петра. Но меня это не удивило — я уже давно сомневалась в честности Спрута.

Впрочем, Некрасов сам был виноват: он разбрасывал свои карманные деньги на письменном столе, а так как тогда их было у него немного, то убить легко было ему заметить.

Пропадали также и книги из кабинета, а после отъезда Петра обнаружилось еще, что у Некрасова пропала часть белья и некоторое платье. Но он за это не сердился на Петра; опечалило его только, что Спрут стащил у него разные охотничьи принадлежности, а главное — новые охотничьи сапоги.

— Пусть бы еще вдвое взял из моего белья и платья, только бы охотничьи мои сапоги не трогал,—говорил Некрасов.— Ни одни сапоги так покойны не были, как эти. И на что они ему? На его лапу не влезут.

Но, кроме всего упомянутого, впоследствии оказалось, что Петр с чердака, где лежали отпечатанные листы запрещенного «Иллюстрированного Альманаха», постоянно брал их и продавал букинисту. И эта проделка Петра открылась только после его отъезда, когда надо было переезжать на новую квартиру¹⁰.

— Ай да Спрут! — сказал Некрасов, узнав об исчезновении с чердака листов.— Оправдал свое прозвище, все сцапывал, что попадалось. Значит и книги мои он продавал букинистам? На вид совсем идиот, а на наживу денег у него хватило сообразительности.

Я шутливо пеняла Некрасову, что он не снял портрета с Петра себе на память.

*
*
*

После Петра к Некрасову нанялся лакей благообразной наружности и не шокировавший Панаева своим неопрятным туалетом. Семен <Василий>¹¹ был небольшого роста; цвет лица у него был бледно-желтоватый без всякого оттенка. Волосы, брови, ресницы светлые; глаза небольшие, бледносерые. Но, несмотря на эту бесцветность, выражение его лица было суровое. Василию было только двадцать пять лет, а может быть даже и меньше, но веселого лица у него никогда не было, и смеха его также никто не слышал. Он только иногда улыбался, и тогда из полуоткрытого большого рта его виднелись два ряда крепких, частых, белых, больших зубов. И что удивительно, так это то, что у Василия появлялась улыбка при таких случаях, когда у всякого другого изобразился бы на лице

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ «ГЕНЕРАЛ ТОПТЫГИН»

Акварель В. А. Серова, 1904 г.

Русский музей. Ленинград

испуг или жалость. Например, он улыбался, если кто ушибется или упадет; улыбался, глядя, как колотили упавшую лошадь, везшую какую-нибудь тяжесть, или видя несчастного пьяного с окровавленным лицом. Сам же Василий вина не пил, со двора не ходил, и никто из его знакомых к нему не ходил. Он был несловоохотлив, исполнитель, честен и вообще, как лакей, был хороший.

Но зато сладу с ним не было, так он донимал всю остальную прислугу своими злыми выходками. Со всеми он был на ножах и ни с кем не вел дружбы.

Василий подливал кислоты в кофейник горничной, правда, немного; он насыпал нюхательного табаку в перечницу прачки, которая иначе не ела ни щей, ни супа, как только с перцем; протягивал веревку у порога входной двери в кухню для повара, который очень часто во время стряпни бежал выпить в портерную и, впопыхах, иногда не совсем твердый на ногах, со всего размаха растягивался на полу.

Все эти штуки Василий проделывал так ловко, что явных улик никто из пострадавших не мог представить. И когда я делала выговор ему за его злые проделки, он мне отвечал:

— Я в кухне не сижу, почему мне знать, что у них там делается.

Повар часто напивался к самому обеду, и тогда приходилось судомойке вместо него готовить половину обеда. И хотя она лучше повара жарила пирожки к супу и дичь, но Василий, приходя за переменной блюд в кухню, говорил:

— Ах, ты, поломойка, берешься кухарничать! Господа сидят голодные, никто не хочет есть твоей стряпни. Собаку твоими пирожками накормили, и ту вырвало.

И видя на глазах судомойки слезы, Василий улыбался.

На масленице судомойка опять должна была отпускать обед вместо повара и, увлеченная печеньем блинов, не заметила, как у нее затлелось платье от плиты. Василий, видя это, не предостерег ее, а ждал, когда оно совсем загорелось, и тогда только заметил мрачным тоном:

— Кухарка, горишь!

И он улыбался, когда судомойка, увидев себя в пламени, с испугом заметалась по кухне и сильно обожгла себе локоть.

Но любовь, должно быть, смягчает характеры. Женившись на моей горничной, Василий бросил свои злые проделки над остальной прислугой, к которой он, однако, попрежнему относился грубо и пренебрежительно.

У Некрасова очень изменился характер, когда у него началась боль в горле. Он сделался раздражительным и нетерпеливым. Василию часто доставалось от него.

В начале пятидесятих годов Некрасов стал ездить в Английский клуб раза два в неделю и очень счастливо играл в коммерческую игру, но, не имея денег, не мог один играть, а надо было ему товарища, который бы держал половину куша за пуан.

Я несколько раз замечала Некрасову, что он втянулся в карты; он самоуверенно отвечал, что у него всегда хватит настолько характера, чтобы бросить игру, когда захочет. А когда я говорила, что карты вредно должны действовать на его нервы, то он возражал:

— Напротив, за картами я еще притупляю мои нервы, а иначе они бы меня довели до нервного удара. Чувствуешь потребность писать стихи, но знаешь заранее, что никогда их не дозvoлят напечатать. Это такое состояние, как если бы у человека отрезали язык, и он лишился возможности говорить.

— Может быть, настанет другое время, — говорила я.

— Доживу ли я еще до того времени, перегорит во мне все, и я никуда не буду годен, если и останусь жив.

Хандра часто находила на Некрасова, да и обстоятельства способствовали тому.

Болезнь горла у Некрасова все усиливалась, и он сделался до крайности раздражителен.

Василий приходил ко мне и говорил убитым голосом:

— Что мне делать, Авдотья Яковлевна? Меня прогнал Николай Алексеевич.

— За что?

— Да за то, что я два раза напоминал ему, что надо полоскать горло.

Я советовала Василию дать успокоиться Некрасову и не показываться ему, пока он сам не позовет.

— А как не позовет?

Я утешила Василия, что Некрасов его позовет, и, действительно, через час он позвонил.

— Не пора ли мне полоскать горло? — спросил у Василия Некрасов.

— Пора.

— Так давай! — шопотом произнес Некрасов.

После сильного раздражения и без того не сильный голос совершенно пропадал у него. В это время Некрасов иногда с ужасом говорил:

— Какая предстоит мне перспектива — сделаться немым!

Он вдруг бросал все лекарства, не видя улучшения своей болезни, не держал предписанной докторами диеты и злился, если ему напоминали, что какого-нибудь кушанья нельзя есть; то опять впадал в крайность и чуть что не морил себя голодом.

Одну зиму он даже не выходил на воздух, по совету докторов, чтобы не простудить еще больше горла.

Понятно, что нервы у него были раздражены мрачными мыслями, не покидавшими его, о близкой смерти. Напишет, бывало, стихотворение, прочтет его и заключит словами:

— В печати мне его не удастся видеть: своего последнего, этого последнего стихотворения. К весне буду готов.

— Напротив, весной доктор надеется, что ваша болезнь горла пройдет.

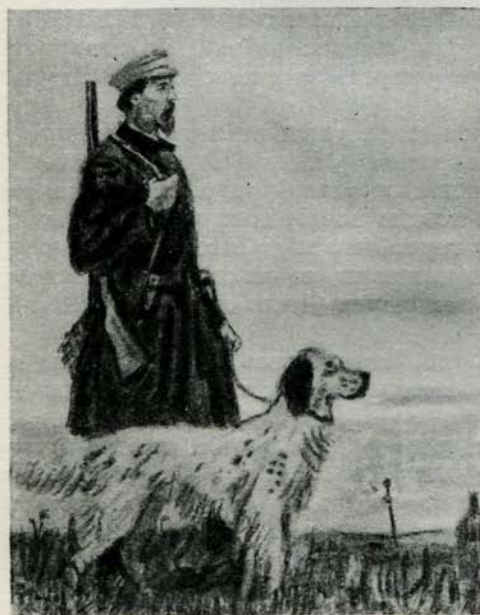
— Петь буду в концертах даже! — иронически отвечал Некрасов и затем разражался бранью на всех докторов.

А иногда Некрасов сам начинал мечтать о том, как к лету он выздоровеет, уедет в деревню и будет ходить на охоту:

— Какое это будет блаженство! Не будешь видеть этих корректур, исправленных цензором, не будешь видеть этого длинного Праца, являющегося за деньгами.

Прац был хозяин типографии, в которой печатался «Современник», когда начался он издаваться.

И точно, вид Праца не только больному Некрасову, но и здоровому человеку не очень-то мог быть приятен. Он приезжал за деньгами, а в

ФОРЗАЦ И ТИТУЛ ОДНОТОМНИКА «ИЗБРАННЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ» НЕКРАСОВА, ИЗДАНИЕ ДЕТГИЗА

Анварель Д. А. Шмаринова, 1946 г.

Третьяковская галлерей, Москва

это время денежные дела журнала были очень плохие. Подписка туго прибавлялась после 1848 года, потому что цензура не пропускала ничего живого ¹².

Некрасов говорил:

— Право, я удивляюсь, как еще снисходительны подписчики, что продолжают выписывать «Современник». Читать в нем нечего, благодаря цензуре.

— Да ведь и в других журналах читать нечего, — замечал кто-нибудь ему.

— Печальное утешение, — отвечал он.

Некрасов при самом начале издания «Современника» мечтал о дешевой газете.

— Кабы были деньги, сейчас бы начал издавать дешевую газету. Я уверен, что дешевая газета десятки тысяч имела бы подписчиков.

Многие сомневались в успехе дешевой газеты, но Некрасов горячо защищал свою мысль об издании такой газеты.

В Крымскую кампанию Некрасов горевал, что не удалось ему осуществить свою идею относительно издания дешевой газеты:

— Ведь в самом захолустье России жаждут прочесть, что творится с их сыновьями, мужьями, а разве большинству доступно выписывать наши дорогие газеты?

И будь у Некрасова тогда деньги, он наверно бы стал издавать дешевую газету ¹³.

Несмотря на свою болезнь, Некрасов не охлаждался к журналу и по-прежнему старался по возможности выпускать номер хотя сколько-нибудь поживее.

* *

Я уже упоминала в прежних моих воспоминаниях о пребывании Некрасова за границей ¹⁴ и как европейские светила-доктора приговорили его к смерти. Он вернулся в Петербург умирать, а вместо того выздоровел.

Подписка на «Современник» с каждым годом увеличивалась; денежные дела журнала более не озабочивали Некрасова. Он имел хороших помощников по изданию журнала ¹⁵ и мог пользоваться отдыхом. Он опять стал ездить в Английский клуб и уже поздно ночью возвращался домой, забыв совет доктора, вылечившего ему горло, что надо вести правильный образ жизни. Когда же ему об этом напоминали, то он сердился и находил, что ему необходимо притупить свои нервы и что игра в карты не может повредить здоровью.

Я как-то раз заметила Некрасову, что, втянувшись в игру, он не в состоянии будет остановиться и тогда, когда его счастье в картах изменит ему.

— В чем другом у меня нехватит характера, а в картах я стоик! Не проиграюсь! — самоуверенно отвечал Некрасов.

Я напомнила ему факт, как несколько лет тому назад он в какой-нибудь час проиграл тысячу рублей, которые для него тогда составляли очень значительную сумму. Однако, играя, он забывал об этом.

— Это был исключительный случай. Я слишком был поражен своим необычайным несчастьем и одурел. Но теперь я играю с людьми, у которых нет длинных ногтей, а если и есть у кого, то он ими не воспользуется.

Факт, который я напомнила Некрасову, заключался в том, что господин А..., только что выступивший на литературное поприще своей повестью, приехал в Петербург из дальней провинции, где он постоянно жил. Он обедал у нас и после обеда предложил Некрасову и Панаеву сыграть в

преферанс. Играли недолго. Панаеву надо было ехать куда-то на вечер, и он уехал. А... предложил Некрасову сыграть в банк.

— Я давно не играл в банк,— сказал Некрасов.

— Ну, ставьте рубль,— сказал А..., тасуя карты.

Некрасов написал мелом рубль, прикрыл карту и, пока ставил небольшие куши, все выигрывал.

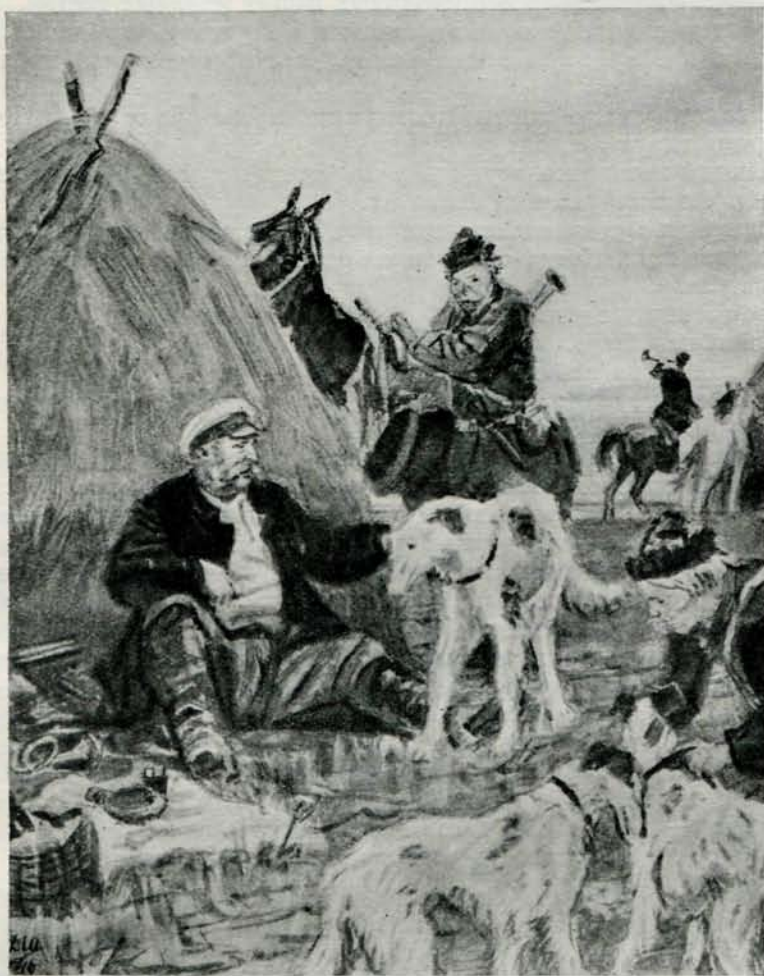

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ «ПСОВАЯ ОХОТА»

Акварель Д. А. Шмаринова, 1946 г.

Третьяковская галерея, Москва

— Вот какое вам счастье,— говорил А... с досадою.

— Ну, не злитесь,— сказал Некрасов и поставил все 25 рублей, которые выиграл.

Карта его была убита.

Некрасов опять поставил 25 рублей и проиграл их.

Терминов я не припомню, но в какой-нибудь час Некрасов проиграл тысячу рублей.

Я удивилась тогда спокойствию, с которым играл Некрасов, всегда запальчивый в игре. Несмотря на уговаривание А..., продолжать игру,

убеждавшего, что проигравший может отыграть свои деньги, Некрасов, вставая из-за стола, сказал:

— Нет! больше не хочу играть. Сейчас вам принесу деньги.

Получив деньги, А... уехал¹⁶.

Некрасов сидел в раздумьи у стола и сказал:

— Что за странность? Маленький куш ставил — выигрывал, а большой куш стал ставить — карта бита!

В это время пришли трое постоянных наших молодых гостей. Увидав, что раскрыт ломберный стол, они заметили Некрасову, что давно не играли с ним в преферанс, и стали играть, как обыкновенно, по четверти колейки.

Сдавались те самые карты, которыми метал банк А... Некрасов, взяв карты, вдруг сказал:

— Господа, позвольте эту сдачу не считать, мне нужно осмотреть карты, — и он стал рассматривать их.

Играющие и я с удивлением следили за Некрасовым, который пристально расследовал их. Когда он окончил осмотр карт, то спокойно сказал:

— Сдавайте.

Его стали спрашивать, зачем он рассматривал карты.

— Мне нужно было.

Играя, Некрасов все время шутил.

Когда гости, поужинав, ушли, Некрасов, взяв колоду карт в руки, сказал:

— Посмотрите, каждая карта отмечена ногтем. Ай да молодец, вот для чего отпускает себе длинные ногти! Ах, несчастный! Довести себя до такого позора. Если бы это не случилось со мной, я ни за что не поверил бы, чтобы не глупый человек уже в зрелых летах способен был так нагло позволять себе проделывать такие низкие вещи. И еще талант есть; к кругу литераторов будет принадлежать! Никому не надо говорить об этом, может быть, он образумится.

А... как ни в чем не бывало опять обедал у нас и приглашал Некрасова опять сыграть в банк, но тот отказывался.

— Отыграете, может быть, свои деньги.

— А может быть, еще проиграю вам.

— Не всё же так несчастье вам будет. Да и я скоро уеду домой, тогда увезу ваши деньги.

— Увезите, — отвечал Некрасов и потом говорил мне:

— Кажется, у А... совесть заговорила. Дай-то бог!

* * *

Когда Некрасов, ложась поздно, спал долго по утрам, Василия никто из посетителей, являвшихся лично к Некрасову, не мог уговорить, чтобы он разбудил его, и мне кажется, если бы квартира загорелась, то он только тогда начал бы будить Некрасова, когда уже горела бы соседняя комната.

Раз я заметила, проходя через сени из редакции на свою половину, как у дверей подъезда какой-то господин говорил Василию:

— Третий раз прихожу на этой неделе, и ты мне одно и то же отвечаешь, что он спит.

— Что нужно, идите в редакцию, — отвечал отрывисто Василий.

— Да мне лично нужно видеть господина Некрасова.

— Тогда приходите, когда он не спит!

— А в какое время?

— А я почем знаю? — отвечал Василий, захлопывая дверь.

Я стала говорить Василию, что нельзя так грубо отвечать посетителям.

А. Я. ПАНАЕВА

Фотография 1880-х гг.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

— А то будить Николая Алексеевича для всякого, кто его спрашивает? Мало ли таких шляется к нему за деньгами. Кому за делом нужно, так тот идет в редакцию.

Я, однако, сказала Некрасову, чтобы он велел Василию быть вежливым с теми, кто к нему приходит, и хотя сколько-нибудь разнообразить свои ответы: что, мол, дома, нет, или нездоров, не принимает, а то твердит все одно: «спит».

Иногда Василию доставалось от Некрасова за церберское охранение его сна. Некрасов, бывало, сам назначит час кому-нибудь, когда его можно видеть, но Василий спровадит явившегося господина.

Некрасов начнет его бранить за это. По праву долго жившего слуги в доме Василий делал ему вопрос:

— Да разве вы приказывали мне, ложась спать, чтобы я вас разбудил, когда придет этот господин?

— Ну, забыл!

— Так я-то чем виноват?

Между Василием и Некрасовым происходили лаконические разговоры.

— Сколько? — спрашивал Некрасов за завтраком.

— Десять, — отрывисто отвечал Василий.

Это значило 10 градусов морозу.

— Сани!

— Ветер.

— Сани! — настойчиво повторял Некрасов.

Через полчаса Василий появлялся в дверях и докладывал мрачным тоном:

— Карета подана!

— Какая карета? Я тебе велел сани заложить! — прикрикивал на Василия Некрасов.

— А ветер?

— Не твое дело! Вели кучеру заложить сани.

Василий удалялся и через четверть часа еще более мрачным голосом произносил:

— Готово!

Некрасов выходил и находил у подъезда все-таки карету.

Он начинал бранить Василия, который, отворив дверцы, говорил:

— Садитесь, что на таком ветру стоять.

Некрасов покорно садился в карету, убедясь, что, точно, сильный ветер.

В передней иногда происходили комические сцены. Некрасов выходил в переднюю, чтобы ехать в клуб. Василий держал шубу наготове.

— Пальто! — произносил Некрасов.

Василий, не слушая его, накидывал ему на плечи шубу. Некрасов сбрасывал ее и, горячась, говорил:

— Русским языком я тебе говорю: пальто подай.

Василий, что-то ворча, подавал пальто и совал в руки Некрасову меховую шапку. Тот бросал ее на стол, и тогда Василий мрачно его спрашивал:

— Простудиться, что ли, хотите?

— Не умничай! — отвечал Некрасов, надевая шляпу.

Василий подавал кашне. Некрасов отстранял рукой кашне и шел с лестницы, а Василий, провожая его до экипажа, тихонько всовывал ему кашне в карман.

Если Некрасов уезжал в клуб обедать в санях и приказывал кучеру приехать за ним в такой-то час, Василий распоряжался, чтобы кучер, заложив карету, взял шубу, меховую шапку и отвез бы их в клуб, а пальто и шляпу немедленно привез бы домой.

У Некрасова всегда были охотничьи собаки, и Василий самым аккуратным образом сам их проваживал и кормил. Собака «Оскар» прослужила несколько лет Некрасову и была уже стара.

Василий однажды при мне позвал Оскара, покоившегося на турецком диване, и сказал:

— Ну, капиталист, иди гулять!

Я спросила, отчего он Оскара называет капиталистом.

— Николай Алексеевич хочет на его имя положить в банк деньги, — ответил Василий.

Я улыбнулась.

— Вы думаете, не положит? Еще вчера опять Оскару говорил, что положит ему капитал.

Василия трудно было убедить, что Некрасов шутил.

Часто из клуба Некрасов приезжал с гостями часов в 12 ночи, чтобы играть в карты. В клубе не хотели играть в большую игру, потому что потом много толковали о том, кто сколько выиграл и проиграл; иногда игра продолжалась с 12 часов ночи до 2 часов пополудни другого дня. И можно судить, какая большая была игра, если однажды Василий поднял под столом; когда гости пошли ужинать, пачку сторублевых ассигнаций в тысячу рублей. Хозяина не нашлось этих денег, и потому решили, пусть возьмет себе Василий их ¹⁷.

Добро бы компания игроков были молодые люди, но все почтенных лет, занимающие высокий пост. Часто лакей чей-нибудь из этих игроков ждал приезда своего барина с платьем, чтобы тот мог переодеться у Некрасова, так как прямо приезжал с придворного бала.

Василий нажил себе капитал. Иногда он в один вечер или, вернее, в одну ночь имел дохода от карт до пятидесяти рублей, да, кроме того, получал на чай от гостей по десяти и даже по двадцати пяти рублей.

Меня не интересовало, сколько Некрасов выигрывал и проигрывал, и я никогда не спрашивала его об этом. Но другие интересовались этим и при мне спрашивали, сколько он выиграл вчера.

— Пустяками окончилась у меня игра — тысяч 40 выиграл. Сначала был в выигрыше 150 тысяч, да потом не повезло. Впрочем, завтра на утреннике, может быть, верну эти деньги.

Утренниками Некрасов называл, когда собиралась постоянно одна и та же компания играть у кого-нибудь из них с часу до шести часов вечера. Некрасов также говорил:

— Я сегодня еду на единоборство.

Это означало, что игра будет с кем-нибудь из компании только вдвоем.

В то время Некрасов исполнял все свои прихоти, не задумываясь о деньгах. Многие, конечно, завидовали ему, многие обращались к нему: кто за деньгами, кто за покровительством чьим-нибудь его влиятельных знакомых.

Сборы бывали большие, когда Некрасов ездил на медвежью охоту. Везлись запасы дорогих вин, закусок и вообще провизии; брался повар, Василий, складная постель, халат, туфли.

Не знаю, получал ли Некрасов от этой охоты такое же удовольствие, какое он испытывал, когда прежде ездил на телеге верст за 35 от Петербурга и брал с собою только фляжку коньяку, пару жареных цыплят и кусок жареной говядины.

Но тогда он возвращался с охоты оживленным и сейчас же принимался за работу. После же охоты со всевозможными удобствами Некрасов был вял, ворчал, что желудок испортил и устал.

Повидимому, при такой жизни человек должен был бы быть довольным, но у Некрасова нередко выпадали дни мрачные. Под предлогом нездоровья он сидел дома, никого не хотел видеть, не спал ночи, ничего не ел, и, по выражению его лица, ясно было видно, что в эти дня два ему было страшно тяжело. Должно быть, в подобные минуты он испытывал те нравственные страдания, которые выразил в своем стихотворении «Рыцарь на час».

Я не знаю, какой капитал был у Некрасова, но, судя по лести и лицемерной дружбе некоторых личностей, окружавших его, должно быть был очень изрядный. Конечно, эти лести и дружба расточались только в глаза ему, а перешагнув за порог его двери, те же личности беспощадно ругали его и даже клеветали на него.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Нечто очень похожее находим в основном тексте «Воспоминаний» Панаевой, но там речь идет о Василии. Вот этот отрывок: «У нас служил мальчик, лет 16, круглый сирота. Я взяла его еще дитятей. Из замухрышки образовался такой отчаянный франт, что иногда он задерживал обед, потому что не хотел являться к столу иначе, как завитой, ругался с прачкой. Если она ему нехорошо накрахмалила рубашку, не хотел чистить ножи и вилки, находя, что у него испортился руки; вообще он держал себя с такою важностью, что один господин прозвал его «бароном» (изд. 1927 г., 247). Приведенный отрывок относится к 1848—1849 г., как и публикуемый текст. Так как имя Василий встречается в основном тексте у Панаевой всего лишь один раз, да и то мельком, вероятнее всего, что она ошиблась и что имя лакея на самом деле было Иван. Ср. в другом месте: «Насколько я была памятлива на лица, настолько же забывчива на имена и фамилии» (172—173).

² Эти рецензии Некрасова неизвестны. Отдел библиографии в «Современнике» с самого начала, в основном, стал вести Белинский. Ср., например, в письме Некрасова к А. В. Никитенко от 22 января 1847 г.: «Библиографию <для № 2 «Современника»> пишет Белинский» (Письма, 76).

³ В тексте «Русской Жизни» последние два абзаца («— Кто такого идиота будет держать?.. оберегателя Некрасова денег») явно ошибочно попали не на место. Они напечатаны ниже, после абзаца «Вражда между Спрутом... один на другого». Исправляем ошибку по смысловой связи с контекстом.

⁴ Типография Праца, где в первые годы печатался «Современник», с 15 мая 1845 г. помещалась на Мойке, возле Цепного пешеходного моста, в доме Н. И. Греча, недалеко от дворца Юсуповых, по тогдашней нумерации № 83, — ныне Мойка, 94 (см.

«С.-Петербургские Ведомости» 1845, 2 июня, № 122/1417). Панаевы и Некрасов жили в это время на Фонтанке, между Аничковым и Семеновским мостами, в доме княгини Урусовой, — ныне Фонтанка, 23 (Письма, 72).

⁵ Эти строки разъясняют историю замысла «Власа» (1854), до сих пор неизвестную в литературе.

⁶ В «Воспоминаниях» Панаевой нет ничего о последствиях дела Петрашевского для редакции «Современника». О Петрашевском вне связи с «Современником» см. стр. 278, 283, 284 основного текста мемуаров.

Дело Петрашевского упоминается Некрасовым в поэме «Недавнее время» (1871).

⁷ Сократ и Ксенофонт В о р о б ь е в ы.

⁸ Некрасов стал членом Английского клуба в 1854 г. (см. «Столетие С.-Петербургского Английского собрания», СПб., 1870, 133), однако бывал там и раньше. См., например, письмо к Тургеневу начала ноября 1852 г. (Письма, 174).

⁹ В основном тексте «Воспоминаний» Панаевой завербованными слугами оказываются дворник и лакей Панаева, Василий (Иван?). Ср. П а н а е в а, 247—248.

¹⁰ Этот эпизод рассказан Панаевой также и в основном тексте ее «Воспоминаний» (236). Некрасов и Панаевы в 1857 г. переехали в дом Краевского, на углу Бассейной ул. (ныне улицы Некрасова) и Литейного просп.

¹¹ Панаева снова путает имена. Все мемуаристы единогласно свидетельствуют, что этого лакея звали Василий. Сохранились и письма Некрасова к В а с и л и ю Матвееву. Имя его названо также и в духовном завещании Некрасова («Новый Мир» 1931, № 4, 192). Имя Семена в дальнейшем повсюду заменено нами именем Василия.

¹² В 1847 г. у «Современника» было 2 000 подписчиков, в 1848 г. — около 3 000; в 1849 г. число подписчиков, действительно, упало. Ср. в письме Некрасова к Тургеневу в марте 1849 г.: «В нынешнем году у нас подписка на все журналы хуже, вследствие того, что газеты политические в интересе повысились, а журналы по некоторым причинам стали скучны и пошлы до крайности. Так, у Библиотеки для чтения убавилось 900 подписчиков, у Краевского — 500, у нас 700» (Письма, 129). Таким образом, в 1849 г. подписчиков у «Современника» было не более 2 400.

¹³ О проекте такой газеты в литературе ничего не известно. В 1857 г. Некрасов предполагал начать издание газеты с участием М. Н. Лонгинова, Ф. М. Дмитриева, И. И. Панаева, М. Е. Салтыкова-Щедрина и С. А. Соболевского. Но то был проект ю м о р и с т и ч е с к о й газеты «Правда», и обсуждался он уже после Крымской кампании (Письма, 321).

¹⁴ В 1856—1857 гг.; см. гл. XIII основного текста «Воспоминаний» Панаевой.

¹⁵ Добролюбова и Чернышевского.

¹⁶ Кого имеет в виду Панаева, установить трудно: исходить из предположения, что фамилия литератора-шулера начинается на А, нельзя, так как Панаева часто заменяла подлинные инициалы вымышленными (например, «поэт В.» — Сатин и др.).

Тот же самый эпизод передает в своих воспоминаниях и В. Панаев; см. «Русская Старина» 1901, № 9, 497—498.